

С.А. НЕФЁДОВ

Биологические причины голода 1933 года*

Автор изучает причины голода 1933 г. и акцентирует внимание на биологическом аспекте проблемы. Во время “аграрной стачки” крестьяне оставили много хлеба в полях и в скирдах. Изобилие корма вызвало необычное биологическое явление, взрывное размножение мышей. Мыши уничтожили оставленный в полях хлеб, что стало одной из причин голода.

Ключевые слова: причины голода, аграрная стачка, потери урожая, необраный хлеб, размножение мышей.

The author examines the causes of hunger in 1933, and emphasizes the biological aspect of the problem. The peasants have left a lot of grain in the fields during the “agrarian strike.” An abundance of food caused an unusual biological phenomenon, an explosive reproduction of mice. The mice have destroyed the grain in the fields, and it became one of the causes of hunger.

Keywords: causes of hunger, agrarian strike, loss of crops, unharvested corn, breeding mice.

Проблема причин голода 1933 года

Анализу причин голода 1933 г. посвящено значительное количество работ российских и иностранных историков [Ивницкий, 2009; Кондрашин, 2008; Кульчицкий, 2011; Davies, Wheatcroft, 2004; Penner, 1998; Tauger, 2001]. Но при всей масштабности проделанного, причины голода 1933 г. во сих пор во многом остаются неясными, и это порождает дискуссии среди специалистов. “Это – отчасти тайна, как без стихийного бедствия самые богатые области страны были поражены страшным голодом”, – пишет Д. Пеннер [Penner, 1998, p. 27]. В попытке объяснить эту тайну историки создали несколько теорий; одна из них – это теория “искусственного голода”: И. Сталин якобы специально организовал голод, чтобы преодолеть сопротивление крестьян-единоличников, сломить их частнособственническую психологию. Главный аргумент сторонников этой теории – это непомерно большие нормы хлебозаготовок, когда у крестьян отбирали все зерно, не оставлялся ничего на пропитание.

Непомерно большие хлебозаготовки действительно имели место, но они начались уже после сбора урожая 1931 г. Хотя тот год был неурожайным, план заготовок составил 245 млн ц зерна – больше, чем в урожайном 1930 г. [Трагедия... 2001, с. 111]. Правда, Сталин признал, что в заготовительную кампанию 1931 г. были допущены ошибки. Соответственно, план хлебозаготовок на 1932 г. был уменьшен: если в 1931 г. план для колхозов и единоличников Украины составлял 71,1 млн ц (при реальном

---

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда – УРАЛ 11-11-66003а/У.

выполнении 64,7 млн ц), то в 1932 г. – 58,3 млн ц [Davies, Wheatcroft, 2004, p. 478]. Однако снижение плана хлебозаготовок в сравнении с реальными заготовками 1931 г. было все же не столь значительным. Вдобавок Сталин приказал добавлять к планам районов 4–5% на случай, если какой-то район не справится с заготовками, и, кроме того, крестьянам нужно было возвращать ссуды по оказанной весной 1932 г. продовольственной помощи. В итоге получилось, что в некоторых районах план на 1932 г. был даже выше, чем в прошлом году, когда все амбары были выметены “вчистую” [Davies, Wheatcroft, 2004, p. 140].

Оглашение новых планов вызвало среди местных руководителей самую настоящую панику. “Доведение планов... вызвало у ряда работников *упадочные и панические настроения*” (курсив мой. – С.Н.), – свидетельствует докладная записка украинского ГПУ [Советская... 2005, с. 185]. Записка приводит характерные высказывания местных руководителей. Одни говорили: “Если принять план, то это будет означать, что мы обрекаем на гибель население”. Другие готовились к сопротивлению: “В этом году сперва себя обеспечим хлебом, потом государство. Их дело – давать планы, а наше дело, – не давать хлеба”. 446 сельсоветов на Украине отказались принимать спущенные планы: многие руководители положили на стол партбилеты, заявив о выходе из партии, а некоторые даже спасались бегством [Советская... 2005, с. 187, 188, 203].

Паника быстро распространилась на все сельское население. ОГПУ сообщало о том, что на еще неубранных полях стригут колосья, что при уборке оставляют в поле часть урожая, чтобы потом его собрать, что при обмолоте оставляют в соломе зерно, чтобы потом его присвоить, что зерно прячут в ямах-схронах. Зачастую колхозники просто не выходили на работу или только делали вид, что работают – на Западе это называлось “итальянской забастовкой”. В результате хлеб оставался в поле не скошенным или оставался лежать в скирдах [Советская... 2005, с. 170–175, 203–261].

Крестьяне действовали так под впечатлением голода весны 1932 г. и пытались тем самым спасти себя от голода весной 1933 г. Но их действия срывали хлебозаготовки и неизбежно должны были привести к голоду в городах. Сталин писал, что крестьяне «проводили “итальянку”... и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию – без хлеба... по сути дела вели “тихую” войну с советской властью. Войну на измор...» [Трагедия... 2001, с. 720]. Это была “тихая гражданская война”, но оружие, которое применялось в этой войне – голод – могло уничтожить миллионы людей. Сталин нанес ответный удар. “Колхозное крестьянство есть союзник рабочего класса... – заявил он на заседании Политбюро 27 ноября 1932 г. – Но это еще не значит, что среди колхозников и колхозов не может быть отдельных отрядов... поддерживающих саботажи хлебозаготовок. Было бы глупо, если бы коммунисты... не ответили на удар этих отдельных колхозников и колхозов сокрушительным ударом” [Трагедия... 2001, с. 559].

Началась “война за хлеб” – но, как ни жестоки были методы хлебозаготовок, в 1932/33 хозяйственном году на Украине в колхозах и индивидуальных хозяйствах удалось заготовить лишь 36 млн ц зерна – это было почти вдвое меньше, чем год назад. На Северном Кавказе было заготовлено 16 млн ц – 64% от прошлого года [Davies, Wheatcroft, 2004, p. 478].

Советские руководители не сомневались, что урожай 1932 г. был больше урожая прошлого года [Трагедия... 2001, с. 629]. Хлебозаготовки были намного меньше, чем в прошлом году – следовательно, в деревне должно было остаться значительно большее, чем в прошлом году, количество хлеба. Когда в середине декабря 1932 г. секретарь Харьковского обкома КП(б)У Р. Терехов предупредил Сталина о начинающемся голоде, последний заявил, что это “сказки” [Трагедия... 2001, с. 915]. Число сообщений о голоде множилось, но верховные власти не хотели поверить фактам. В начале февраля Политбюро предписало облисполкомам тщательно проверять сообщения об “имеющихся случаях голодания” и “не оставлять *ни одного такого случая* (курсив мой. – С.Н.) без принятия немедленных мер” [Трагедия... 2001, с. 639]. Никто не мог представить, что число этих “отдельных случаев” скоро пойдет на миллионы: для советского руководства голод был столь же неожиданным, как землетрясение.

Таким образом, Сталин не собирался устраивать “искусственный голод”, и причины разразившейся катастрофы были для него такой же загадкой, как и для современных историков. Первый секретарь ЦК КП(б)У С. Косиор позднее оправдывался перед Сталиным: “Основная причина голода – плохое хозяйничанье и недопустимое отношение к общественному добру (потери, воровство и растрата хлеба)... Ибо в большинстве голодающих районов хлеба по заготовкам было взято ничтожное количество... Почему голодают в Киевской области, где хлебозаготовок... почти не брали? В этих районах был весной большой недосев..., а то, что собрали, – проели на общественном питании, кто сколько хотел, а также растащили те, кто не работал” [Когда... 2007, с. 75].

Теории голода 1933 г. и фактические данные

Так что же, причиной голода был обычный неурожай? Существует теория о том, что советские статистики ошиблись в определении фактических размеров урожая, что имелся целый комплекс бедствий, погубивших урожай 1932 г. Среди факторов, резко снизивших урожайность, называют как чисто стихийные, природные (засуха или проливные дожди в отдельных районах, болезни растений), так и социально-политические, человеческие факторы, обусловленные нежеланием крестьян работать в колхозах: недосев зерна, нарушение севооборота, плохая вспашка и прополка, что вызвало засоренность полей сорняками. Говорится также о нехватке рабочих лошадей: крестьяне не заботились о колхозном имуществе, у колхозов не хватало кормов, и падеж лошадей был значительным. Соответственно, недостаток лошадей препятствовал выполнению сельскохозяйственных работ в необходимые сроки, что приводило к потерям зерна [Tauger, 2001, p. 45–47; Davies, Wheatcroft, 2004, p. 438–440].

С этой теорией можно согласиться лишь отчасти: в северных областях Украины действительно имел место большой недосев зерна, что вызвало неурожай и голод. Но в других районах положение с севом было лучше и был выращен, в целом, удовлетворительный урожай. Имеются документы, которые доказывают, что урожай 1932 г. был не хуже, чем в предыдущем году. Один из таких документов – докладная записка сектора учета Наркомата земледелия СССР, составленная в сентябре 1932 г. [Трагедия... 2001, с. 495–500]. Записка, прежде всего, констатирует, что “система учета урожая, основанная в текущем году на донесениях самих предприятий, колхозов и совхозов, *исключает преувеличенную оценку* (курсив мой. – С.Н.) на всех стадиях созревания хлебов”. Затем приводится оценка урожайности по данным на 1 августа – то есть на время, когда уже шел массовый обмолот урожая. Конечно, часть урожая еще стояла на корню, а часть была сложена в скирды, но все же это не “пробный умолот” – приводимые данные основаны на результатах *массового умолота* на больших площадях и учитывают все имевшиеся на тот момент потери.

Таблица

Урожайность и потери в 1932 году (ц/га)

	Данные Наркомзема на 1 августа 1932 г.	Данные отчетов колхозов (начало 1933 г.)	Потеряно и расхищено
Украина	7,4	5,1	2,3
Северный Кавказ	6,2	3,9	2,3

* Источник: [Трагедия... 2001, с. 497; Tauger, 1991, p. 83].

Но существуют еще и другие материалы – данные годовых отчетов колхозов. Эти отчеты составлялись по итогам года, и они содержат информацию об *амбарном сборе* – то есть о том зерне, которое реально поступило в колхозные или государственные амбары. И эти данные раскрывают неожиданную картину: амбарный урожай 1932 г. составлял всего лишь 500 млн ц, на 38% меньше официальной оценки (699 млн ц)

[Tauger, 1991, p. 84]. На Украине, по данным Наркомзема, средняя урожайность составила 7,4 ц/га, а по данным годовых отчетов колхозов – только 5,1 ц/га.

“...По оценке источников и свидетельству очевидцев, – констатирует В. Кондрашин, – в 1932 г. урожай был выращен средний и вполне достаточный, чтобы не допустить массового голода. Но убрать без потерь его не удалось” [Кондрашин, 2008, с. 110].

Куда же пропали 2,3 ц зерна с каждого гектара? Ведь это было реально существовавшее зерно, частью собранное в скирды и ждавшее обмолота?

Спецсводки ОГПУ дают ясный ответ на этот вопрос – и более того, они выделяют прописью наиболее важные моменты: “В результате затяжной уборки В РЯДЕ МЕСТ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ ПЛОЩАДИ ПОСЕВОВ УЖЕ СОЗРЕЛИ И ЗЕРНО ОСЫПАЕТСЯ... Крайне неудовлетворительное качество уборочных и молотильных работ, небрежная перевозка убранный хлеба, также обуславливают значительные ПОТЕРИ УРОЖАЯ. ТАК, В НЕКОТОРЫХ РАЙОНАХ УКРАИНЫ, НВК, КРЫМА, КАЗАХСТАНА И ДР. ПОТЕРИ ЗЕРНА СОСТАВЛЯЮТ ОТ 25 ДО 50%... Падение трудовой дисциплины проявляется прежде всего в массовых невыходах на работу. Невыходы на работу местами достигают 30–70% (УССР, СВК, и др.)...” [РГАЭ, ф. 7486, оп. 37, д. 237, л. 74.]. “Вследствие затяжки уборки урожая наблюдаются большие потери зерна от перезревания и осыпания хлебов, местами достигающие 20% урожая” [Трагедия... 2001, с. 529]. “В ряде случаев при обмолоте оставляется в соломе 30–50% зерна с целью последующего обмолота. Кроме того, в целом ряде сел обнаружено большое количество ям со спрятанным хлебом, в размере от 10 до 1 тыс. пудов в каждой” [Советская... 2005, с. 246].

Все это были проявления “итальянской забастовки”. «Летом и осенью 1933 г. сопротивление крестьян Дона принимало многообразные формы, – отмечает Пеннер. – Три самых важных формы были: замедленная работа, сельскохозяйственная забастовка и “незаконное присвоение” зерна. Первые два способа особенно уменьшили сбор зерна...» [Penner, 1998, p. 37].

Упомянутые выше 2,3 ц с гектара – это зерно, осыпавшееся или сгнившее из-за затягивания уборки, зерно, оставшееся в соломе после умышленно “вредительского” обмолота, и зерно, расхищенное крестьянами. 2,3 ц, помноженные на 17 млн га посевов [Tauger, 1991, p. 84], дают 39 млн ц зерна; этого достаточно для пропитания всего сельского населения Украины в течение года. Судя по сравнительно небольшому количеству хлеба, впоследствии конфискованного у крестьян [Советская... 2005, с. 204, 223, 255], укрыть в ямах-схронах удалось лишь меньшую часть этого зерна. Его основная часть осталась в необранных в поле колосках, на стерне, в соломе и в полове: крестьяне надеялись собрать это зерно, когда уйдут заготовители [Penner, 1998, p. 39]. Но заготовители долго не уходили, и зерно осталось не укрытым. Это и было одной из главных причин произошедшей трагедии [Tauger, 2001, p. 39]. “Бесчисленное количество жизней было потеряно из-за гибели зерна в полях, – пишет Пеннер, – из-за его порчи или из-за невозможности подобрать его ввиду бдительности охранников” [Penner, 1998, p. 41].

Мышиная напасть

Известно, что бывает, когда по каким-то причинам в полях остается необранный урожай: приходят мыши. Такое не раз наблюдалось в истории российского земледелия: это была естественная реакция популяции грызунов на внезапно появившееся изобилие корма. Крестьяне называли это явление “мышинной напастью”: мыши уничтожали все, что осталось в поле [Материалы... 1934, с. 11–17]. “Мышиная напасть” 1932 г. была уникальным биологическим феноменом: она намного превзошла все, что когда-либо наблюдали биологи. “Массовое нашествие мышей... осенью 1932 г. создало колоссальную угрозу...” – писал известный биолог Н. Кузнецов [Борьба... 1935, с. 5].

Специалисты свидетельствуют, что в обычное время на Ставрополье в скирдах почти не бывает мышей, но зимой 1932/33 г. в скирдах половы находили до четырех

тысяч мышей: по 70 грызунов на кубический метр. Обильный корм запустил механизм взрывного размножения мышей: число нор доходило до 10 тыс. на гектар, то есть по норе на каждый квадратный метр! [Материалы... 1934, с. 6, 32]. Биологи пишут, что “сплошным массовым размножением мышевидных грызунов была охвачена почти вся степная зона Европейской части СССР – от Бессарабии до Дона и к югу... до предгорий Кавказа” [Материалы... 1934, с. 31]. На заседании СНК Украины 11 ноября 1932 г. указывалось, что распространение полевых мышей приобретает размеры *стихийного бедствия* [Фиров, 2003, с. 19].

Едва ли не единственным официальным документом, в котором детально разбираются причины катастрофически низких сборов 1932 г., являются “Материалы Комиссии Президиума ВЦИК по ознакомлению с состоянием советского, хозяйственного и культурного строительства Северо-Кавказского края”. В них подробно говорится о том, что “кулацкий саботаж” привел к затяжке сева, к отсутствию прополки и зарастанию полей сорняками, что обусловило значительные потери урожая. “Еще большие потери, – говорится в документе, – имели место при уборке урожая”. К концу нормального срока было убрано лишь 46% зерновых. “Значительные потери, имевшие место при уборке урожая, способствовали разведению несметного количества мышей, которые распространились на всей территории Северного Кавказа, поедая огромное количество хлеба и других продуктов” [ГАРФ, ф. 1235, оп. 141, д. 1362, л. 200].

Очевидцы в ярких красках описывали нашествие мышей на степном Юге. «В ноябре 1932 года пошли лавой мыши, – вспоминал один крестьянин, – и ели все на свете, даже людям спать не давали, обгрызали пальцы. И шли мыши через воду, с севера на юг. Народ тогда взволновался. “Это перед какой-то пропастью, или перед голодом”, – говорили старики» [Голод... 2007, с. 52]. “Хороший урожай... съели мыши”, – писал мобилизованный на хлебозаготовки учитель С. Куля. Он свидетельствовал, что мыши начисто съедали то, что было укрыто крестьянами в соломе и оставлено на полях, проникали в жилища крестьян, под одежду. По словам Кули, под Нальчиком огромная масса мышей однажды остановила поезд, колеса которого забуксовали в толще грызунов, переваливавшихся через рельсы [Рожков, 2009, с. 54].

“Хаты кишели мышами, – писали агрономы Б. Эльфон и П. Подгорный, – по улицам в бурьяне раздавался непрерывный треск. Это двигались мыши, наводняя собой все новые и новые населенные пункты. Такого нашествия мышей не запомнят старожилы. Наглость мышей и крыс переходила всякие границы: обувь, продукты, семена – все уничтожалось прожорливыми грызунами” [Эльфон, Подгорный, 1933, с. 26]. Живший под Харьковом крестьянин Н. Белоус писал в своем дневнике: “Все время мыши, и в поле и в доме – такая сила, что и кошка уже не хочет душить, мышеловкой по 50 штук за ночь ловим” [Аваков, 2008].

Нападениям мышей подвергался и хлеб в амбарах и ямах. Нужно сказать, что обычная в крестьянском хозяйстве “хлебная яма” – это отнюдь не просто яма, вырытая в земле. Для того, чтобы избежать проникновения мышей, яму нужно было рыть в глинистой почве или обмазывать глиной. Затем в яме разводили костер и прокаливали до тех пор, “покуда прогорит по стенам на четверть и делается как железная изгора”. Яма должна была быть герметичной: если в нее попадал воздух, то хлеб портился. Поэтому зерно в яме хранили до весны или большее время – но после вскрытия зерно нужно было сразу же извлекать и использовать [Милов, 1998, с. 144–145]. Хлебная яма обычно находилась во дворе, о ее местонахождении все знали, и в ней нельзя было прятать похищенный хлеб. В 1932 г. похитившие зерно крестьяне были вынуждены прятать его в спешно выкопанных тайниках – и конечно, они не имели возможности прокаливать эти маленькие ямы-схроны. В обычных условиях еще была надежда сохранить спрятанный в схронах хлеб, но в условиях “мышинной напасти” это было невозможно. Писатель Л. Копелев передает рассказ председателя сельсовета об одном крестьянине: “Он думал, он самый хитрый. Закопал на дальнем поле. Да только мышей не перехитрил... Открыли ту хитрую яму. А зерно уже пополам с мышинным

говном. Ну, хозяина, конечно, забрал НКВД... А семья без хлеба осталась” [Копелев, 2010, с. 252].

Таким образом, зерно, оставленное крестьянами в полях, в соломе, в полове было уничтожено нашествием мышей. Зерно, спрятанное в ямах-схронах, по-видимому, тоже погибло, было испорчено грызунами, или попросту сгнило. Можно понять разочарование и ужас крестьян, которые надеялись на спрятанные запасы, и, открыв своей ямы, обнаруживали в них то, что означало голодную смерть.

Зимой и весной 1933 г., когда катастрофа стала фактом, власти, наконец, спохватились. Были мобилизованы тысячи работников, подвезены ядохимикаты, и началась грандиозная операция по истреблению грызунов. “Масштабы истребительной операции... представляли собой еще невиданный в истории факт...” – писал Кузнецов [Борьба... 1935, с. 5]. Но было уже поздно.

В итоге, как отмечает Кондрашин, “если бы сталинское руководство приняло во внимание быстро распространяющиеся панические настроения в деревне... то тогда бы удалось избежать огромных потерь зерна при уборке урожая, его массового воровства колхозниками. Его бы не пришлось прятать в ямы, где оно сгнило. В этом случае последствия кризисной ситуации 1932 г. не были бы столь трагичными” [Кондрашин, 2008, с. 352].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аваков А. “Пришлось умереть от голода...” (Дневник 30-х гг. – рукописи не горят даже в НКВД) // Украинская правда. 2008. 23 января.

Борьба с грызунами в степях Предкавказья. Ростов-на/Д., 1935.

Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. Київ, 1990.

Голод в станице Новодеревянковской. Из воспоминаний станичников // Кубанский сборник. 2007. № 11.

Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 гг. в СССР. М., 2009.

Когда безумствует мечта // Родина. 2007. № 1.

Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг.: трагедия российской деревни. М., 2008.

Копелев Л.З. И сотворил себе кумира. Харьков, 2010.

Кульчицкий С.В. Украинский голодомор как геноцид // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. М., 2011.

Материалы по динамике фауны мышевидных грызунов СССР (исторический обзор массовых размножений). Л., 1934.

Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

Рожков А.Ю. “Мыши съели людей...”: память о голоде 1932–1933 гг. в откликах на публикации И.И. Алексеевко // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг. Краснодар, 2009.

Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 3. Кн. 2. М., 2005.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 3. М., 2001.

Фиров В.П. Голодомор 1932–1933 гг.: причины, последствия, виновники. Севастополь, 2003.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2008.

Эльфон Б., Подгорный П. Тихорецкая МИС в борьбе с мышами // На защиту урожая. 1933. № 1.

Davies R., Wheatcroft S. The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933. New York, 2004.

Penner D.R. Stalin and the Ital’ianka of 1932–1933 in the Don Region // Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants. 1998. Vol. 39. № 39-1-2.

Tauger M.V. Natural Disaster and Human Actions in the Soviet Famine of 1931–1933. The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 2001. № 1506.

Tauger M.V. The 1932 Harvest and the Famine of 1933 // Slavic Review. 1991. Vol. 50.